

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн Геро, Леандр и пастух

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2546025

Аннотация

«Я думаю, что всем на свете известно старое, трогательное предание о Леандре и Геро. Но далеко не все знают тот вариант, который можно услышать лишь от очень старых анатолийских греков...»

Александр Иванович Куприн Геро, Леандр и пастух

Я думаю, что всем на свете известно старое, трогательное предание о Леандре и Геро. Но далеко не все знают тот вариант, который можно услышать лишь от очень старых анатолийских греков.

Леандр жил по одну сторону Геллеспонта, в греческом городе Абидосе; Геро – по другую, на малоазийском берегу, в городе Сестосе. Леандр был прославленным атлетом, одинаково непобедимым в борьбе, беге, плавании, метании диска и стрельбе из лука; Геро была младшей жрицей в храме Артемиды.

Оба они были так прекрасны телом, лицом и душой, как только могут быть прекрасны невинная девушка в шестнадцать лет и пылкий юноша в девятнадцать. В один из тех великих дней, когда Абидос устраивал атлетические состязания, Геро и Леандр увиделись на стадионе и с первого взгляда страстно полюбили друг друга: именно так приходит к людям настоящая любовь. В тот же вечер, покинув роскошное пиршество, они, незаметно для любопытных взо-

ров, сошлись в цветущей апельсиновой роще, где сказали друг другу сладкие слова любви и обменялись первыми целомудренными ласками. Но нет в мире такой радости, на дне которой не таилась бы капля печали.

Во время этого нежного свидания с огорчением узнали молодые любовники о том, как трудно, почти невозможно было им стать мужем и женой. Геро, как жрица, не могла оставить храм ранее достижения двадцатипятилетнего возраста, не навлекши на себя бесчестия, а отец Леандра, знатный аристократ и первый богач Абидоса, уже давно и твердо порешил женить своего сына, через год, на единственной дочери еще более богатого коринфского купца, с которым он вел большие торговые дела.

Среди глубоких вздохов, непрерывных поцелуев и соленых слез согласились влюбленные терпеливо ждать той счастливой поры, когда два великие бога – бог любви и бог случая – ниспошлют им радость соединиться навеки, а до этого дня неизменно любить друг друга.

– Но как же мы будем видеться? – уныло спросил Леандр. – Ведь в обоих городах нас знает каждый человек.

– Тогда будем видеться ночью, мой дорогой, – стыдливо предложила Геро. Леандр покачал головой.

– Разве тебе неизвестно, о душа души моей, что по ночам гавани как Абидоса, так и Сестоса заграждаются цепями и ни одна лодка не пропускается в пролив?

– Так что же? – быстро возразила Геро. – Разве ты не лучший пловец в Абидосе, а следовательно, и во всей Греции и во всем свете?

– Ах, и правда! – вскричал восхищенный атлет. – Это не пришло мне в голову. Я уже переплыл Геллес-понт четыре раза, всегда без особых затруднений.

Они крепко обнялись и условились, что на другой день Леандр переплывет пролив, а Геро около полуночи будет ждать около той старой, полуразрушенной башни, которая, по преданию, построена была древними могучими циклопами.

На другой день, ранней ночью, тайно выскользнула прекрасная Геро из жилых помещений храма, дрожа от любви, от страха и от ночной свежести, пришла к старинной, обомшелой башне и стала терпеливо дожидаться.

Необычайно долго тянулись минуты и часы. Сердце девушки стучало так громко, что, казалось, его бие-ние было слышно даже в Абидосе.

Проходило мимо башни козье стадо, а за ним шел пастух, знакомый всему Сестосу, высокий, жилистый старик, похожий на большого похотливого козла или

на крепкого, лукавого сатира, с сединою в вьющихся волосах и в короткой курчавой бороде.

– Эй, девчонка! – сказал он низким голосом. – Твой любовник или очень запоздает, или вовсе не придет, а ты, сидя на холодных камнях, заполучишь жесточайшую боль в костях. Возьми-ка мою шерстяную милоть да сядь на нее и закутайся ею.

– Уйди, уйди, противный! – сердито закричала Геро. – Фу! от тебя даже издали пахнет козлом!

– Козлом? – насмешливо спросил пастух. – А почему ты знаешь, что не богом? Да ты, девчонка, не бойся меня. Я ничего не делаю насильно, я только заманиваю. И притом зелени не терплю, пускай ею наслаждаются мои козлы! Ну, вот я и отошел. А чтобы тебе не было так тоскливо дожидаться твоего красавчика, я сыграю тебе хорошенькую песенку.

Пастух сел на камень и стал играть на свирели одну песню за другой, а каждая песня была милее предыдущей, и так нежны, так сладки, так чисты были звуки легкого инструмента, что, заслушавшись, забыла прекрасная Геро свою тоску.

Она даже сказала:

– Послушай, старый козел, сыграй эту песенку еще раз. Время же бежало и бежало. Стал светлеть воздух. Пастух все играл да играл. Вдруг девушка сказала:

– Эй ты, сатир! И правда, дай-ка мне твое покрывало, я вся дрожу.

Порозовело море от дальней утренней зари, стали ясно видны ближние, а потом дальние предметы. Опасно было для Геро оставаться дольше вне ограды храма, и она печально пошла домой.

К полудню она получила через верного человека восковую дощечку, на которой Леандр писал о том, что одно дело плыть днем, а другое – ночью. Он плыл всю ночь, потеряв направление и место, руководясь только чутьем и своей любовью, а к утру очутился опять у абидосского берега. Леандр просил Геро, чтобы в последующую ночь она развела бы на вершине башни костер из сухих кустарников и из деревянных обломков, которых много валяется на берегу.

Покорная любви и ее волнениям, опять пришла прелестная Геро к циклопической башне и опять застала там пастуха. Дул сильный восточный ветер. Началась буря. Белые шипящие валы набегали на берег и, яростно бухая об него, растекались широко по земле. Шел резкий, злой дождь.

– Пастух, пастух! – взмолилась беспомощная Геро. – Ты, правда, ужасная уродина, но ведь ты добрый и, надеюсь, не откажешь помочь мне зажечь костер на верху башни.

– Сигнал для милого? Не так ли? – смеясь, спросил

пастух. – Отчего же? Во всех делах любви я везде и всегда самый усердный помощник.

Геро невольно удивлялась, с какой быстротой и ловкостью работал старый пастух, за ним не угнались бы четверо молодых. По внутренним каменным ступеням он живо натаскал множество деревянных остатков от судов и лодок.

Девушка подавала ему снизу вереск и сучья иссохших прибрежных кустарников.

– Не смей щипать меня! – визжала она порою.

– Прости, я нечаянно, – говорил пастух смиренно. Когда же они развели большой и яркий огонь на вершине башни и спустились вниз, то сказал козий начальник:

– Вот что, моя девочка, дождь и буря усиливаются с каждой минутой. Сидя здесь, ты так размокнешь, что твой милый найдет вместо тебя мокрую кашу. Пойдем-ка, я знаю здесь поблизости одну пещеру, сухую и просторную, там и укроемся до нужного часа. А огонь я буду время от времени поддерживать.

– Только ты будешь вести себя смирно, о старый сатир?

– Даю слово.

Пещера была в самом деле удобна, велика и чиста, пол ее был заботливо устлан сухими листьями и вереском.

Геро с удовольствием села на громадную милоть из густой козьей шерсти. Пастух тоже присел на краешек покрывала.

– Вот теперь, – сказал он, – я буду рассказывать тебе, милая девочка, разные сказки. Чтобы нам обоим было не так скучно.

Ах, как он рассказывал! На что уж очень хорошо играл он на свирели, но сказки его были стократно лучше. Говорилось в них о дальних морских путях в необыкновенно волшебные страны, и о героических приключениях, и о жизни самих богов на Олимпе, и все эти сказки были как бы пронизаны, пропитаны веселой, легкой, проказливой любовью, где на бесцеремонный и страстный натиск игриво отвечала едва замаскированная податливость и откровенная жажда наслажденья.

Однажды пастух встал на ноги и выглянул из пещеры.

– Костер горит слабо, – сказал он, – я пойду подкинуть топлива.

– Иди, – сказала девушка вяло. – Только поскорее возвращайся, мне страшно одной.

Пастух управился с огнем и вернулся назад.

– Садись, – приказала Геро, – да поближе. Издали плохо слышно. Ну, рассказывай.

И опять пастух стал изысканно плести сказку за

сказкой, и были некоторые из них таковы, что Геро во тьме краснела не только лицом, но даже грудью, спиной и животом. Однако слушала она с величайшей радостью и часто говорила: «Еще, ну, еще одну!» И сама не сознавала того, что ее тонкие пальчики все время ласково перебирали жесткую курчавую бороду рассказчика.

Через некоторое время пастух, остановившись на половине сказки, сказал:

– Огонь опять уменьшается. Я пойду подброшу дров.

– Не надо! – капризно воскликнула Геро. – Не надо! Я отсюда вижу, что костер пылает. Иди скорее ко мне досказывать сказку, а чтобы было теплее, ложись со мной рядом.

Но в эту минуту послышался слабый дальний призыв:

– Геро!

То был голос Леандра. Пастух проводил Геро до того места, куда прибой выбросил юношу, а сам скрылся в темноте. Но перед тем как исчезнуть во мраке, он шепнул девушке:

– Завтра я опять приду, а днем меня можешь найти у ворот Ахилла, в доме, над которым торчит большая козлиная голова.

Геро с трудом дотащила Леандра до пещеры. Он

смертельно устал и был жестоко разбит волнами о прибрежные камни. Падая на ложе, он успел только прошептать ее имя и растянулся без чувств. Геро посидела около него с час, но, убедившись, что его обморок перешел в глубокий здоровый сон, она тихо встала, поцеловала Леандра холодно в лоб и ушла.

Утром обитатели храма хватились: где Геро? Но ее так никогда и не отыскали – она исчезла бесследно. Что же касается Леандра, то когда он проснулся и узнал, что заснул во время любовного свидания, лежа в одной постели с возлюбленной, то пришел в жесточайшее отчаяние. Большого позора, чем тот, который пал на него, – не существовало в Древней Элладе. Поэтому Леандр тоже предпочел уйти навсегда из родных мест. Его тоже, как ни искали, нигде не могли найти. Один из жителей Абидоса, пробывший несколько дней в Афинах, рассказывал, что видел в столичном театре знаменитого актера, точь-в-точь похожего на Леандра. Но он был известный лжец, и ему никто не поверил. Народ же сочинил прекрасную легенду.